

профессор А. П. Лопухин

Толковая Библия

Толкование на книгу Ионы

профессор Александр Павлович Лопухин

Глава 1

1–2. Посольство пророка Ионы в Ниневию, 3. его попытка уклониться от этого посольства и 4–16. Наказание Божие за это.

Ион.1:1. И было слово Господне к Ионе, сыну Амафиину:

"И было" (vajeij) – так начинаются многие книги В. Зав. (Нав 1.1; Руфь 1.1; Суд. 1.1; 1Цар 1.1 и др.) и на основании такого начала неправильно делают предположение, будто книга пророка Ионы представляет собою не цельное произведение, а отрывок.

«Слово Господне» – обычное обозначение в Библии божественного откровения, сообщаемого именно пророкам (Ис. 2:1, 51:16; Иер. 1:1, 2:1, 7:1, 13:3; Ос 1.1; Соф. 1.1; Мих 1.1; Агг 1.3; Зах. 1:9, 7и др.). Что касается формы этого откровения, то на нее в данном случае нет никаких указаний. По аналогии с другими местами Библии, в которых употребляется это выражение, можно представлять это слово простым внутренним влечением, которое человек сознает не как свое собственное, а как приходящее к нему извне, от высшей силы, именно от Бога. Если, таким образом, бывшее пророку Ионе откровение не сопровождалось никакими чрезвычайными знаменами, а происходило всецело внутри его, то станет удобопонятным, каким образом пророк решился послушаться «слова Господня».

«К Ионе, сыну Амитае» (слав. Амафии). Имя пророка – «Иона» (от глагола *janah* в страдат. значении – быть угнетаемым) по объяснению блаженного Иеронима означает существо угнетенное, стнящее, а затем стонущего голубя. Сыном Амитае он, несомненно, называется по отцу, а не в нарицательном смысле – «сын истины» (*amitai* с евр. знач. истина), как это объясняется раввинами (Д. Кимхи, И. Абарбаналем), чтобы подтвердить иудейское предание, отождествляющее Иону с сыном Сарептской вдовы, воскрешенным пророком Илией (3Цар 17.17–23).

Ион.1:2. встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедай в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня.

«Встань, иди в Ниневию...». Посольство еврейского пророка с проповедью в языческую Ниневию многим кажется событием беспримерным в истории еврейского пророчества, противоречащим самому назначению пророческого служения, учрежденного для охранения истинной религиозной жизни в одном еврейском народе, а потому даже невероятным. Нельзя отрицать, конечно, что ближайшая задача ветхозаветных пророков состояла в том, чтобы «быть стражами дома Израилева» (Иез 3.17), но в соответствии с тем, что еврейский народ имел мировое назначение, и пророческое служение должно было осуществлять не национальные только, а и универсальные задачи. И мы можем указать не мало примеров того, что слово пророческое было обращено прямо к языческим народам и призывало их к исправлению и участию в спасении. (Ис. 13:1–24:1; Иер. 46:1–51:1; Иез. 25:1–32:1). Если так, то в посольстве Ионы в Ниневию нет ничего странного, когда другие пророки пророчествовали об Египте, Едоме, Моаве, Сирии, Вавилоне и даже о той же самой Ниневии (Наум. 1:1–3:1; Соф. 2:13–15).

«Проповедуй в нем, ибо злодеяния его дошли до Меня». Еврейское «ki», переведенное в этом стихе через «ибо» (слав. яко, лат. quia), чаще означает не причинную связь, а союз дополнительного предложения – «что». Переводя так в данном месте, мы получаем указание на содержание проповеди Ионы в Ниневии: проповедуй, что злодеяния дошли до Меня. Таким образом, проповедь Ионы в Ниневии должна была заключать в себе не одно только предсказание ее скорой гибели, как может показаться на основании Ион. 3:4, а и обличение их злых дел, несомненно сопровождаемое призывом к покаянию, а следовательно, и спасению. Так свою миссию понял сам пророк Иона, почему и бежал от нее, чтобы не быть вестником спасения язычникам; равным образом и Иисус Христос указывает на покаяние и спасение Ниневитян, как на плод слова Ионы (Мф 12.41). Данное понимание подтверждает и употребленный здесь еврейский глагол «kara», означающий не предсказывать будущее, а проповедовать в широком смысле этого слова, провозглашать, обнародовать то, что повелел Бог.

Ион.1:3. И встал Иона, чтобы бежать в Фарсис от лица Господня, и пришел в Иоппию, и нашел корабль, отправлявшийся в Фарсис, отдал плату за провоз и вошел в него, чтобы плыть с ними в Фарсис от лица Господа.

«И встал Иона, чтобы бежать в Фарсис от лица Господня». Под Фарсисом, куда бежал Иона, нужно разуместь страну, населенную потомками Фарсиса, сына Иована (Быт 10.4). Первоначально потомки Фарсиса поселились в Киликии, где построили город Тарс; однако в данном случае нужно разуместь не близкий к Палестине Тарс, а скорее далекую Испанию, главное место морской торговли финикийян (Ис 23.1–14; Иер 10.9), от имени которого корабли далекого плавания назывались Фарсийскими (Пс 47:8; 3Цар 10.22). Побуждением для Ионы бежать в Фарсис было несомненно то, что он хотел этим отклонить от себя посольство в Ниневию. Пример попытки уклониться от божественного посольства в истории ветхозаветных пророков – не единственный (Исх. 3:11, 4:10–13; Иер. 1:6), но он является особенным по своим мотивам и отчасти по форме (бегство). Пророк решил не идти в Ниневию потому, что не хотел ее спасения, не хотел, чтобы это спасение совершилось через него. «Потому я и побежал в Фарсис, ибо знал, что Ты – Бог благий и милосердый» (Ион. 4.2) говорил он в раздражении, когда увидел, что Ниневия не погибла. Такие мысли и чувства достойны ли ветхозаветного пророка и мыслимы ли они, как черты характера посланника Божия? Чтобы правильно решить себе этот вопрос, нужно отрешиться от того предвзятого взгляда, по которому библейские священные лица для сохранения за ними ореола святости представляются нам в какой то духовной неподвижности. Нужно помнить что библейские святые – «подобострастные нам человецы» (Деян.14:15), потому своей нравственной высоты они достигали не сразу, не без борьбы и мучений, не без зависимости от окружавших влияний времени и среды. И пророк Иона был человек своего времени и своего народа. Евреи же тогда вообще думали, что все язычники – враги Иеговы и заслуживают только Его гнева и наказания. Такое отношение к язычникам воспитывал в них отчасти сам закон в целях

отвращения их от всего языческого. Вполне естественно, что и пророк Иона до своего призвания думал о язычниках так, как думали его соотечественники. Теперь, когда голос Божий внутри его призывал пророка идти с проповедью покаяния и спасения к ниневитянам, в душе его происходит глубокая борьба. Он должен был побороть в себе впитанный с рождения узкий религиозный национализм, по которому только евреи считались народом Божиим и усвоить противоположное воззрение, что у Бога милость для всех, что и язычники призваны и способны усвоить спасение Божие. Без проникновения этим убеждением пророк не мог идти на проповедь в Ниневию, его послушание Иегове не могло быть автоматическим. И вот пророк не скрывает от нас той человеческой слабости, какую он обнаруживает в этой душевной борьбе: без чрезвычайных знамений Божиих он не мог перевоспитать себя и потому решил «бежать в Фарсис от лица Господня». Такой способ уклонения от посольства Иона избрал вероятно потому, что полагал, что за пределами обетованной земли как места особенного присутствия Божия («лица Божия» ср. Быт 4.14, 16), он уже не будет слышать в себе призывающий его на проповедь язычникам голос.

Православная Церковь в своем песнопении дополняет сделанное замечание о мотивах бегства пророка Ионы тем, что пророк бежал «дабы пророчеству не солгаться» (канон Андрея Критского). Значит, пророк Иона не надеялся на искренность и прочность раскаяния язычников и думал, что, получив спасение за мимолетное раскаяние, а затем, вернувшись снова к своим грехам, они будут смеяться над не исполненным над ними пророчеством, глумиться над бессилием еврейского Бога и оскорблять Его. Таким образом, бегство пророка было не сознательным противлением воле Божией, а обнаружение особой ревности о славе Иеговы перед язычниками.

«Пришел в Иоппию» – единственную у евреев гавань со времен Соломона. (О ней см. 2Пар 2.16; 2Ездр. 5:53; 1Мак. 10:76, 14:5).

Ион.1:4. Но Господь воздвиг на море крепкий ветер, и сделалась на море великая буря, и корабль готов был раз-

биться.

«Господь воздвиг на море крепкий ветер, и сделалась на море великая буря». Буря на Средиземном море и особенно у берегов иоппийской гавани – обыкновенное явление. По свидетельству Иосифа Флавия («Об иудейской войне» III 9, 3) и новых путешественников (де-Сольси, Норова) рейд иоппийской гавани и вообще юго-восточный берег Средиземного моря подвержены действию ветров, поэтому здесь часто наблюдается волнение. Ввиду сказанного в книге пророка Ионы часто делают упрек в избытке чудесности. Говорят, что самые естественные явления, как поднятие бури на море и ее прекращение (Ион. 1:4, 15), поглощение человека большой рыбой (Ион. 2:1), полуденный зной, жгучий ветер, червь, подтачивающий растения (Ион. 4:6–8), происходящие по естественным силам и законам природы, в ней представляются, как особенные действия Божии, совершающиеся по непосредственному велению Божию. Таким образом, для полной естественности явления необходимым считается устранить всякую мысль об участии в жизни природы Бога. Таково, несомненно, распространенное воззрение нашего времени, но не таково религиозное воззрение на мир. По нему все совершающееся в мире, по так называемым законам природы и ее силам, представляется вместе с тем делом Бога, правящего миром. Самые законы природы составляют не что-либо совершенно отдельное от воли Божией, а рассматриваются, как выражение воли Творца о природе. При таком понимании, нет ничего странного, что человек и естественные явления представляет совершающимися по воле Божией и умалчивает о законах природы, как причинах только посредствующих. В книге Ионы, как произведении имеющем религиозно-нравственное назначение, такое упоминание более чем уместно, (хотя в ней упоминаются и естественные факторы естественных явлений: ветер, производящий бурю, червь подтачивающий растения). На основании этого можно только отметить религиозность ее автора, а не упрекать в избытке чудесности и будто невероятности рассказа.

Ион.1:5. И устрашились корабельщичи, и зывали каждый к своему богу, и стали бросать в море кладь с корабля, чтобы облегчить его от нее; Иона же спустился во внутренность корабля, лег и крепко заснул.

«И устрашились корабельщичи и зывали каждый к своему Богу». Корабельщичи – не случайные пассажиры корабля, а люди, у которых мореходство было промыслом, с евр. *malahijm* – гребцы, весельники. Они несомненно были язычники и происходили, вероятно, из финикийских приморских городов. В религии всех вообще приморских жителей видное место занимали боги моря и воды, к ним-то, естественно, корабельщичи обращались с молитвой о спасении от бушующих волн. Наряду с этим, они не пренебрегали и естественными средствами спасения: «стали бросать в море кладь с корабля, чтобы облегчить его от нее».

«Иона же спустился во внутренность корабля, лег и крепко заснул». Станным представляется поведение пророка: в то время, когда другие на корабле в страхе за свою жизнь молятся о спасении, он идет в трюм и спокойно засыпает. Это произошло оттого, что автор текста в данном месте о последующем моменте сказал раньше предшествующего, употребил оборот *отъероу протъероу*, как и в 10 ст. и Ион. 4.5. В действительности пророк Иона для отдыха пошел несомненно раньше, чем случилась буря. Утомленный происходившей в нем внутренней борьбой и, может быть, спешным путешествием в Иоппию, успокоившись принятым наконец решением, Иона «крепко заснул». Весь дальнейший рассказ книги до II гл. включительно некоторые толковники понимают, как бывшее пророку сновидение. Однако в тексте нет решительно никаких оснований для этого предположения и историческая достоверность рассказа II-ой гл. засвидетельствована не менее других частей книги. (См. об этом в Введении).

Ион.1:6. И пришел к нему начальник корабля и сказал ему: что ты спишь? встань, воззови к Богу твоему; может быть, Бог вспомнит о нас и мы не погибнем.

В этом стихе не должно смущать то обстоятельство, что кормчий-язычник обращается к иноверцу еврею с просьбой,

чтобы он молился своему Богу, причем выражает надежду получить от Него спасение. Язычник-политеист наряду со своими богами признавал действительное существование и богов других народов. В частности, о случаях признания язычниками Иеговы, как Бога еврейского, Библия говорит не однократно (4Цар. 18:25, 33–35; 1Ездр. 1:2–3), то же самое мы имеем в данном месте.

Ион.1:7. И сказали друг другу: пойдём, бросим жребии, чтобы узнать, за кого постигает нас эта беда. И бросили жребии, и пал жребий на Иону.

И сказали друг другу: «пойдём, бросим жребий, чтобы узнать, за кого постигает нас эта беда» В древнее время было распространённым мнением, что особенные чрезвычайные бедствия постигают людей за какие-нибудь великие грехи (Иов. 4:8–11, 18:5–21). Разделяя это воззрение, корабельщики и решили, что великая буря постигла их за какой-либо чрезвычайный грех кого-либо из присутствовавших на корабле. Узнавать виновника бедствия они стали посредством жребия. Этот обычай существовал у многих народов древности, как языческих, так и у евреев, при этом те и другие верили, что не слепой случай решает дело, а Бог (или боги) владеет жребием (Нав 7.14; 1Цар 10.20–23; Деян 1.26; Cicero. De natura deorum, 3:36).

«И бросили жребий и жребий пал на Иону». Таким образом, книга пророка Ионы даёт понять, что не только бросавшие верили, что жребием руководит Бог, но и в действительности было так.

Ион.1:8. Тогда сказали ему: скажи нам, за кого постигла нас эта беда? какое твоё занятие, и откуда идёшь ты? где твоё страна, и из какого ты народа?

Содержит в себе ряд вопросов, с которыми корабельщики обратились к Ионе, после того как жребий указал в нём виновника бедствия. Эти вопросы задавались вероятно с разных сторон и людьми взволнованными, поэтому в них нет строгой последовательности. Первого вопроса: «за кого беда сия?» в некоторых кодексах нет (Cod. 115), а в других (384) он стоит на поле; его следует понимать не как вопрос Ионе о

каком-либо третьем лице, а в отношении к нему самому: кто ты такой, скажи? Следующие вопросы касаются происхождения пророка Ионы, его рода занятий и ближайших намерений (последнее ясно из добавления слав. текста: «камо идеши?») Во всем этом корабельщики думали найти что-либо позорящее Иону и объясняющее им, почему жребий пал на него.

Ион.1:9. И он сказал им: я Еврей, чту Господа Бога небес, сотворившего море и сушу.

«Я Еврей, чту Господа Бога небес, сотворившего море и сушу». Нужно думать, что приведенные слова составляют только начало речи пророка на корабле, затем Иона чистосердечно рассказал о посольстве его в Ниневию и о бегстве от лица Иеговы, как это видно из 2-ой половины 10-го ст. Случившаяся буря и павший на него жребий должны были поразить пророка более, чем остальных на корабле, в них он видел знамения бесконечного величия Божия и своей неправоты; то и другое он искренно исповедует перед язычниками, для этих последних он прежде всего выясняет, что Бог евреев – есть Бог вселенной (небес, моря и суши), только усвоив эту идею, язычники могли понять и все остальное в его речи: какое касательство Иеговы до Ниневии и почему страшно послушаться такого Бога.

Ион.1:10. И устрашились люди страхом великим и сказали ему: для чего ты это сделал? Ибо узнали эти люди, что он бежит от лица Господня, как он сам объявил им.

Передается впечатление корабельщиков от речи пророка. Они «устрашились страхом великим... ибо узнали, что он бежит от лица Господня», значит их страх был религиозным, перед Иеговою, они устрашились Его величия и могущества. Несомненно, корабельщики почувствовали также, что пред ними стоит не обыкновенный человек, а избранный Богом для получения откровения от Него, хотя и тяжко виновный перед Ним; это видно из всего дальнейшего отношения их к пророку Ионе (12–14 ст.).

Ион.1:11. И сказали ему: что сделать нам с тобою, чтобы море утихло для нас? Ибо море не переставало волноваться.

«И сказали ему, что сделать нам с тобой, чтобы море утихло для нас?» В обычном случае корабельщики, конечно, знали, как надо поступить с человеком, который вызвал гнев богов и навлек великое бедствие, но здесь случай был особенный. Перед ними стоял не великий грешник, а избранник Божий, правда возводивший на себя тяжкую вину пред Богом, но они ее едва ли ясно понимали (см. 14 ст.); наказавший их Бог Иегова так не похож на их языческих богов, что умилоствлять Его обычными в язычестве способами они не решались. Поэтому они обратились к пророку, чтобы он сам произнес суд над собою и указал способ умилоствления Иеговы.

Ион.1:12. Тогда он сказал им: возьмите меня и бросьте меня в море, и море утихнет для вас, ибо я знаю, что ради меня постигла вас эта великая буря.

«Возьмите меня и бросьте меня в море... ибо я знаю, что ради меня постигла вас эта великая буря». В этом ответе Ионы прежде всего видно глубокое сознание им своей вины перед Богом. В силу сознания своей чрезвычайной виновности он и хочет быть наказанным чрезвычайным образом, на какой указывали буря и жребий: «бросьте меня в море». Здесь нет ни малейшего браваирования своей жизнью, ни чрезвычайной гордости и самолюбия, по которым пророк будто бы хочет скорее умереть, чем идти против убеждения на проповедь к язычникам, и таким образом продолжает препираться с Иеговою «даже до смерти». Смерть в волнах моря представляется пророку Ионе единственным выходом, чтобы спасти ни в чем неповинных спутников по кораблю, за которых он, несомненно, страдал: «бросьте меня в море и море утихнет для вас». В этом случае пророком совершался подвиг высшей любви к людям (Ион 15.13) и его личность предстала пред нами во всей своей неизмеримой высоте.

Ион.1:13. Но эти люди начали усиленно грести, чтобы пристать к земле, но не могли, потому что море все продолжало бушевать против них.

Ион.1:14. Тогда воззвали они к Господу и сказали: молим Тебя, Господи, да не погибнем за душу человека сего, и да не

вменишь нам кровь невинную; ибо Ты, Господи, соделал, что угодно Тебе!

Ион.1:15. И взяли Иону и бросили его в море, и утихло море от ярости своей.

Корабельщики не сразу исполнили приговор Ионы над собой. Сначала они старались использовать все средства, чтобы спасти пророка, высадив его на берег. Когда это не удалось, они, прежде чем бросить его в море, обратились с горячей молитвой к Иегове, чтобы Он не вменил им «невинной крови». Здесь обращает на себя внимание сочувствие бывших на корабле Ионе и их глубокая религиозность. Говорят, что в данном месте, как и далее в речи о ниневитянах (Ион. 3:5–9), язычники в книге Ионы идеализированы. Что рассказывается о них и само по себе невероятно, и невероятно, чтобы это написал Иона или кто-нибудь из близких к нему по времени людей, ибо отрицательное отношение их к язычникам хорошо известно. Так на малом фундаменте строится большой вывод о неподлинности книги, её позднейшем происхождении и не историческом, а легендарном характере ее содержания. Правда, что невероятного в том, что язычники на корабле оказались не худыми людьми, способными выразить сочувствие человеку, который для спасения их решил пострадать один. Что невероятного и в том, что плавание по морю среди опасностей научило их молиться? Но вот указывают, что молились то они не только своим богам, а и Иегове, Богу еврейскому (14 ст.). Действительно, в употреблении имен Божьих писатель книги Ионы весьма точен: когда речь идет о Боге вообще, как Всемогущем Творце и Владыки всего, он употребляет имя Божие Элогим (Ион. 1:5–6, 3:5, 8, 10, 4:7–9), а когда говорится о Боге в Его отношении к пророку Ионе, как Бога еврейского народа, Он именуется Иеговою (Ион. 1:1, 3–4, 9, 2:1, 3, 3:1, 3, 4:4, 6, 10). Поэтому в 14 ст., где стоит Иегова, нужно так и понимать, что корабельные люди молились Богу еврейскому, Богу Иониному, потому что просили не вменить им смерти Ионы, пророка Иеговы, и странно если бы они об этом просили своих богов. Если же в рассматриваемом месте нет невероятной идеализации, а только правда о язычниках, то

такую правду Иона вполне мог написать, ибо он не боялся говорить ее даже ввиду смерти (12 ст.)

Ион.1:16. И устрашились эти люди Господа великим страхом, и принесли Господу жертву, и дали обеты.

«И принесли Господу жертву и дали обеты». Предание иудейское говорит, что бывшие на корабле стали потом прозелитами иудейства. В этом нет ничего невероятного. Могущество Иеговы они видели воочию и исповедали его в своей молитве: «Ты, Господи, соделал, что угодно Тебе» (14 ст.); спасенные Им (а не своими богами) от явной смерти, они чувствовали себя обязанными Ему, поэтому и «дали обеты». Впрочем, текст говорит только о том, что бывших на корабле охватило религиозное воодушевление; это после всего происшедшего не может подлежать сомнению.

Глава 2

1–11. Поглощение пророка Ионы китом и молитва Ионы.

Ион.2:1. И повелел Господь большому киту поглотить Иону; и был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи.

Факт трехдневного пребывания пророка Ионы во чреве кита является средоточным пунктом его книги, около которого группируется всё остальное ее содержание, вместе с тем по своему характеру это событие представляется как бы выходящим за всякие пределы веры. Встречаемое недоумением или яростными нападками, оно подвергалось разного рода перетолкованиям и искажениям едва ли не более всякого другого места в Библии. Ввиду сказанного, мы остановимся на нем подробнее.

Главные усилия критики направляются на то, чтобы представить невозможность факта трехдневного пребывания Ионы во чрева кита, как действительно исторического события и доказать, что его необходимо считать вымыслом. Чтобы достигнуть последней цели, стараются всю книгу представить вымышленным произведением с тою или другою нравоучительною целью и приравнивают ее по литературной форме то к притче, то к апологу (басне), то к аллегории. Не останавливаясь на вопросе о том, насколько книга пророка Ионы может быть отождествляема с указанными выше и встречающимися в Библии формами творческого вымысла (об этом см. в введении), мы укажем прежде всего на то, что назвать рассказ о трехдневном пребывании Ионы во чреве кита вымыслом, не значит решить вопрос. Нужно сказать еще, откуда этот вымысел явился. Ведь вымысел является не из ничего; самая богатая фантазия свои образы и картины, лучше сказать – элементы вымысла, берет все же из действительности; выдумать что-либо такое, что бы в действительности не встречалось совершенно ни в каком виде и подобии нельзя. Означенное положение трудно оспаривать, поэтому теория чистого вымысла за последнее время встречает уже мало защитников. Начинает преобладать другой взгляд, по которому

считается необходимым поставить содержание книги в то или другое отношение к действительности, и вот, делая эту уступку, рассказ книги Ионы объявляют легендой или мифом. В таком случае предполагается, что в основе его лежит нечто действительно историческое, какое-либо событие или явление, но оно, сохраняясь долгое время в устном предании, до такой степени изукрашено и извращено народной фантазией, что об этой исторической основе сказания только с трудом можно догадываться. Чтобы не быть голословными, защитники указанного взгляда делают попытки освободить содержание книги Ионы от позднейших наслоений фантазии и найти ее историческое зерно, причем историческую основу одни указывают в жизни пророка Ионы или вообще в еврейской истории, а другие обращаются за этим даже к сказаниям языческим. По мнению, высказанному ещё иудейскими раввинами и затем протестантскими экзегетами, стоит только освободить книгу Ионы от чудесных подробностей, как перед нами предстает подлинная история. Иона, действительно, говорят был послан с проповедью в Ниневию, но ослушался Бога и поплыл в Фарсис; во время плавания, действительно, случилась буря, но чуда при этом никакого не произошло, а просто корабль потерпел крушение, а Иона неожиданно для него спасся. Это кораблекрушение и спасение понято было Ионой как предостережение свыше, и он направился в Ниневию. Чтобы самый способ спасения Ионы представить ближе напоминающим рассказ его книги, говорят, что Иону спас другой корабль, который назывался «Кит», на нем (внутри его) Иона пробыл трое суток, а затем был высажен на берег и отправился в Ниневию, или что после кораблекрушения Иона ухватился за случайно плававшего на поверхности мертвого кита и их вместе потом выбросило волнами на берег. Другие толковники очищают книгу Ионы от чудесных элементов тем, что относят их к области сновидений: Иона, говорят, плывя в Фарсис на корабле, заснул (Ион.1:5), случилась буря. Как часто во сне мы реагируем на впечатления окружающей нас действительности, так и Иона от шума волн и качки стал и во сне видеть тоже бурю. Чувствуя себя виновным перед Богом, он

и во сне видит, что ищут виновника бури, бросают жребий, жребий падает на него, его бросают в воду, и вот страшное чудовище будто его проглатывает, но к удивлению своему, он живет и в этом чудовище и в отчаянном вопле молит Бога о спасении, тогда чудовище его выбрасывает на берег. Тут Иона просыпается. На море продолжалась еще свирепствовать буря, на корабле было смятение; это усиливало впечатление страшного сна Ионы, и он раскаялся в своем неповиновении Богу. Кроме указанных, существуют и другие попытки просто и естественно представить сюжет книги Ионы. Нам нет надобности приводить их все, мы можем ограничиться двумя изложенными, как наиболее удачными. Какова их ценность в качестве опытов объяснений книги Ионы? Несомненно, они могут подкупать своею простотою и естественностью, но этого недостаточно: упрощенное представление факта часто бывает его искажением. Нужно, чтобы эти упрощения имели для себя какое-нибудь основание, кроме простого нежелания чудесности. А между тем, защитники легендарного характера книги Ионы, отвергая ее в качестве исторического свидетеля, никаких других оснований в подтверждение своих слов не указывают. Таким образом, их опыты по-своему представить дело являются простыми предположениями, которые им нравятся. Таких предположений сделано уже много, их можно сделать и еще сколько угодно, но приблизить нас к истине, которая едина, они не могут.

Неудовлетворительность попыток найти историческую основу для книги пророка Ионы в обстоятельствах его жизни заставляет многих толковников за источниками для нее обращаться даже к языческой мифологии. В этом случае чаще всего указывают на греческий миф о Геркулесе и Гезионе, финикийский о Персее и Андромеде и вавилонский об Оаннесе. Говорят, что книга пророка Ионы, в особенности же рассказ о трехдневном пребывании во чреве кита, есть переделка того или другого из них. Однако, если мы будем сравнивать содержание кн. Ионы с указанными мифами, то между ними найдем весьма мало общего. В частности в мифе о Геркулесе, как он передается древнейшими языческими писателями:

Аполлодором, Овидием, Диодором Сицилийским, Гомером (Илиада, XX)) нет никаких подробностей, которые могли бы дать основание для рассказа о поглощении Ионы китом: борьба Геркулеса с морским чудовищем представляется наружною, поединком; затем, с греческими мифами евреи могли познакомиться не ранее времени Александра Македонского, а книга пророка Ионы более ста лет до этого времени вошла уже в канон священных книг. Однако самое главное возражение против всех попыток указать для кн. Ионы мифологическую основу заключается не в том, что между указываемыми мифами и содержанием книги пророка Ионы оказывается мало сходства и не в том, что некоторые из указываемых мифов оказываются более позднего сравнительно с кн. Ионы происхождения, а в нравственной невозможности для еврея-писателя пользоваться языческими мифами для переработки их в сказание о пророке Иеговы. Хотя евреи и увлекались язычеством, но это было увлечение формами языческого культа и легкими языческими нравами, идейной же противоположности между языческим многобожием и верой в Единого Бога они никогда не забывали. В частности писатель книги пророка Ионы твердо верует в единого Бога, Творца вселенной (Ион.1:9), а языческих богов считает суетными и ложными (Ион.2:9); как же такой человек, с идеями и чувствами противоположными всему языческому, мог взять рассказ о языческих богах и переработать его для целей своей религии.

После того, как попытки указать источники для рассказа о трехдневном пребывании Ионы во чреве кита в народном предании, изукрашившем будто бы простое событие чудесными подробностями, и в языческой мифологии оказались несостоятельными; мы утверждаемся в мысли, что его необходимо считать за повествование о действительном событии и постараемся, насколько возможно, уяснить его себе.

«И повелел Господь большому киту поглотить Иону». Морское животное, которому Бог повелел поглотить Иону, названо в еврейском тексте *dag gadol*, что значит большая рыба. Для обозначения морских млекопитающихся животных, не рыб, в еврейском языке употребляются слова: *levijatan*, *tanijm*

(Иов. 40:20, 7:12; Пс. 103:26; Быт. 1:21), но не употребляется слово *dag*, поэтому в данном случае нельзя думать, что Иона был поглощен китом. Таким образом, падает возражение, что чудо поглощения Ионы противоестественно, так как у кита очень узкое горло.

Что касается греческого и славянского переводов, то они употребляют слово *κῆτος*, кит, потому, что тогда с этим словом не соединялось понятие об определенном виде млекопитающихся животных, и разумели вообще морское чудовище, включая сюда и огромную морскую рыбу («чудо рыба-кит»). Какая рыба проглотила Иону, текст не указывает, но можно думать, что это была акула. Порода акул, называемая *squalus carcharias* – акула людоед, которая водится в Средиземном море, достигает 32 футов длины и вполне может проглотить человека целиком.

«И был Иона во чреве этого кита три дня и три ночи». Выражение «три дня и три ночи» на библейском языке не означает непременно трех полных суток (1Цар. 30:12–13; Есф. 4:16, 5:1), а может означать период времени даже в 26–28 часов (Мф. 27:46; Мк. 15:34), если он граничит с концом первого и началом третьего дня. Однако, если мы время пребывания пророка Ионы во чреве кита ограничим 26–28 часами, то и в таком виде этот факт продолжает оставаться чудом, т. е. событием, необъяснимым действием одних только естественных сил в обычном порядке. Поэтому Спаситель называет это событие «знамением», подобным чуду воскресения Его после трехдневной смерти, причем пребывание Ионы во чреве кита сравнивается с пребыванием Спасителя во гробе в аде. Значит, во чреве кита Иона был как бы погребенным, естественные условия, в которых он оказался, неизбежно должны были вести его к смерти, и если он остался жить, то только по чрезвычайному действию Всемогущества Божия. «Идеже хочет Бог, побеждается естества чин». Каким способом Бог сохранил жизнь Ионы во чреве кита, нам знать не дано; понять, как действует Бог в чудесном мы не можем, однако разум человеческий не отказывается совершенно от попыток представить себе возможность того или другого чуда,

подыскать для него аналоги в естественных явлениях и таким образом в своем знании найти опору для веры. Такими, уясняющими чудо пребывания в чреве кита, аналогиями могут быть возвращение к жизни человека после пребывания под водой, случаи мнимой смерти (летаргии) и, наконец, девятимесячное пребывание младенца в утробе матери. Из приведенных фактов следует, прежде всего, что смерть может наступать не сразу, как человек лишится притока воздуха. Правда, отсрочка смерти для человека под водой бывает на короткий срок, но важно то, что подобное явление уже не становится абсолютно невозможным; а что возможно при естественных условиях хотя бы на момент, то легко себе представить продолжающимся по действию Всемогущества Божия на более продолжительное время. Такое действие будет уже для нас не противоестественным, а только сверхъестественным, законы природы им не нарушаются, а Бог пользуется ими для своих промыслительных целей. Случаи летаргии, когда мнимоумершего зарывают в землю и он продолжает после некоторое время жить, говорят о том, что человек при пониженной жизнедеятельности может сравнительно долгое уже время обходиться без нормального количества воздуха. Если это возможно в естественном порядке, то тем легче подобное событие представить себе в порядке чудесном. Наконец, естественные законы, которыми сохраняется жизнь младенца во чреве матери, по существу своему для нас не менее непостижимы и чудесны, чем пребывание Ионы во чреве кита. Если Творец создал такие законы, по которым жизнь одного существа сохраняется во чреве другого целые месяцы, то не в Его ли власти направить и сочетать эти законы так, чтобы жизнь человека во чреве рыбы сохранить три дня.

Ион.2:2. И помолился Иона Господу Богу своему из чрева кита

Ион.2:3. и сказал: к Господу возвал я в скорби моей, и Он услышал меня; из чрева преисподней я возопил, и Ты услышал голос мой.

Ион.2:4. Ты вверг меня в глубину, в сердце моря, и потоки окружили меня, все воды Твои и волны Твои проходили надо мною.

Ион.2:5. И я сказал: отринут я от очей Твоих, однако я опять увижу святой храм Твой.

Ион.2:6. Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травой обвита была голова моя

Ион.2:7. До основания гор я нисшел, земля своими запорами навек заградила меня; но Ты, Господи Боже мой, изведешь душу мою из ада

Ион.2:8. Когда изнемогла во мне душа моя, я вспомнил о Господе, и молитва моя дошла до Тебя, до храма святого Твоего.

Ион.2:9. Чтущие суетных и ложных богов оставили Милосердаго своего,

Ион.2:10. а я гласом хвалы принесу Тебе жертву; что обещал, исполню: у Господа спасение!

Молитва пророка Ионы из чрева кита дает весьма много поводов для возражений против ее подлинности. Обращают внимание на то, что она по частям сходна с различными местами из псалмов и отсюда заключают о ее компилятивном характере и на этом основании относят ее происхождение ко времени упадка еврейской письменности. Действительно, сходство молитвы Ионы с псалмами несомненно: третий стих напоминает Пс.17:7 и Пс.119:1; четвертый стих – Пс.68:3; пятый стих – Пс.30:23; шестой стих – Пс.17:5–6 и Пс.68:15, 16; седьмой стих – Пс.17:16, 17; восьмой стих – Пс.142:4–7. Но можно ли из этого вывести, что молитва Ионы – позднейшая компиляция? Не более ли естественно думать, что Иона во чреве кита выражал свои чувства знакомыми ему образами псалмов, ибо переживаемое им состояние не позволяло ему предаться творчеству. Он брал из псалмов не фразы и слова, как это делал бы компилятор, а образы и картины, причем такие, которые к его состоянию подходили даже более, чем к состоянию псалмопевца (таковы все картины водных опасностей).

Затем указывают на то, что молитва Ионы по своему содержанию будто не подходит к переживаемому Ионою душевному состоянию; главный её мотив – благодарение за спасение, между тем Иона из чрева кита должен был не благодарить, а молить Бога об избавлении от смертной опасности. Объясняют это тем, что она так неудачно была составлена каким-то позднейшим лицом. Но ведь, кроме благодарения, в молитве Ионы есть и изображение водных опасностей (4, 6–7 ст.) и вопль к Богу о спасении в переживаемом бедствии (3, 5, 8 ст.), словом, все то, что считается необходимым для молитвы, чтобы быть ей естественной в устах Ионы; только все это в молитве изображено как моменты уже прошедшие. Пророк главный трепет за свою жизнь пережил тогда, когда брошенный в море все более и более погружался в бездну, сходил к основанию гор, точно во ад, чувствовал, как морская трава обвивала его голову, а вода стала доходить как бы до души его, и тут он молил Бога об избавлении от смерти. Когда же его проглотила рыба и он продолжал жить в ней по действию всемогущества Божия, он начал чувствовать себя уже спасенным Богом; где и как его Бог хранил, он этого, вероятнее всего, не знал тогда, а только чувствовал, что он жив, спасен от смерти, надеялся, что Бог до конца его избавит («я опять увижу святой храм Твой»), и поэтому в молитве уже благодарил Его. Таким образом, мы видим, что молитва Ионы по своему содержанию вполне подходила к переживаемому пророком Ионою душевному состоянию. Главный ее предмет – изображение пребывания Ионы в тесноте скорби и его спасение. Этот предмет развивается в молитве в строгой последовательности. Сначала в ней правильно чередуются картины внешних опасностей пророка (4, 6, 7) и описании пережитого им в это время душевного состояния (3, 5, 7–8), а заканчивается она (9–10) благодарением за спасение, которое пророк почувствовал еще во чреве кита. Она делится на четыре строфы по 2 ст. в каждой и построена по законам стихотворного параллелизма, причем стихи, в которых описывается внешнее положение пророка, написаны параллелизмом синтетическим, а изображающие его

душевное состояние параллелизмом антитетическим. Отсюда видно, что молитва Ионы по своему логическому построению и литературной форме представляет собою стройное и органически связанное целое. Своим картинным языком она, как поэтическое произведение, существенно отличается от остальных частей книги, содержащих исторический рассказ.

Ион.2:11. И сказал Господь киту, и он изверг Иону на сушу.

Место, где был выброшен Иона, в тексте не указывается, но по связи этого стиха с началом III-ей главы ближе всего здесь нужно разуместь палестинский берег Средиземного моря.

Глава 3

1–3. Вторичное посольство Ионы в Ниневию и 4–10. покаяние Ниневитян.

Ион.3:1. И было слово Господне к Ионе вторично:

Ион.3:2. встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедай в ней, что Я повелел тебе.

О вторичном посольстве Ионы в Ниневию говорится теми же словами, какими говорилось и о первом (Ион. 1:1–2), можно думать, что это второе «слово Господне к Ионе» было дано в той же форме, что и первое (см. зам. к Ион. 1:1.).

Содержание проповеди пророка в Ниневии вторично не указывается, а делается ссылка на прежде бывшее об этом повеление Божие: «проповедай в ней, что Я повелел тебе» (см. зам. к Ион. 1:2).

Ион.3:3. И встал Иона и пошел в Ниневию, по слову Господню; Ниневия же была город великий у Бога, на три дня ходьбы.

«И встал Иона, и пошел в Ниневию, по слову Господню». Пророк послушался вторичного голоса Иеговы потому, что предшествовавшие события (буря на море, павший на него жребий, поглощение и извержение китом), были для него знамениями, убеждавшими его в истинности и непреложности получаемого им откровения.

«Ниневия... была город великий у Бога, на три дня ходьбы». На основании приведенных слов часто делают заключение о позднейшем происхождении книги пророка Ионы. Употребленная здесь прошедшая форма глагола: «была город великий» указывает, говорят, на то, что во время написания книги Ионы, Ниневия уже не существовала, иначе о ней сказано было бы в настоящем времени, как напр., в Быт. 10:12. Затем самое замечание о величине города будто бы совершенно излишне для современников Ионы, которые и без того прекрасно знали о Ниневии и вполне уместно только в устах писателя, жившего после ее падения. Относительно прошедшей формы глагола следует заметить, что здесь употреблена форма, так называемая *prateritum*. Она выражает мысль о

действительном существовании предмета в описываемое прошедшее время без всякого отношения к настоящему, поэтому этой формой прошедшего нисколько не исключается существование Ниневии в момент написания книги. Она употреблена лишь в соответствии с такой же формой других глаголов, относящихся к тому же событию, поэтому все это место можно передать так: встал Иона и пошел в Ниневию и оказалось, что это великий город. Описывать величину Ниневии для современников Ионы, из которых большинство не видело этого города, а некоторые может быть не знали его и по имени, также естественно, как в наше время описывать различные большие города. Заключать на этом основании, что Ниневия в момент описания не могла существовать, можно только выходя из предубежденного взгляда.

Прямое указание на то, что книга Ионы написана была до разрушения Ниневии, мы найдем в книге Товита (Тов. 14:8), где Товит уговаривает сына своего Товию оставить Ниневию, «ибо Ниневия будет разрушена, как говорил пророк Иона». Очевидно израильские пленники в Ассирии думали, что пророчество Ионы о гибели Ниневии (Ион. 3:4) только отсрочено по причине покаяния города и в свое время, видя крайнее развращение Ассириян, ждали его исполнения. Во всяком случае с книгой пророка Ионы они были знакомы задолго до падения Ниневии.

Замечание о величине Ниневии дополнено словами "у Бога". Этим писатель хотел определить положение Ниневии в отношении к Богу, сказать, что она была велика в очах Божиих, перед Богом, значит, в ней была какая-то нравственная мощь и величие. Цель такого замечания могла быть та, чтобы в глазах израильских читателей наперед оправдать описанное ниже (Ион. 3:10, 4:11) отменение Иеговою определения о погибели Ниневии.

Величина города Ниневии в 3-ем ст. определяется словами: «на три дня пути». День пути, т. е. расстояние, какое можно пройти в продолжение одного дня, у древних народов, по свидетельству Геродота, определялось в 160–200 стадий, на наши меры длины – 25–30 верст. Таким образом, расстояние пути 3-х дней будет равняться 75–90 верстам. Для определения

величины городов, местностей обычно берется их окружность, поэтому нужно думать, что в данном месте словами «три дня пути» определяется окружность Ниневии, а не протяжение в длину. Если мы возьмем для Ниневии площадь окружностью около 80 верст и в диаметре менее 30, то это будут те самые размеры, которыми измеряется величина Ниневии у многих древних писателей: Страбона, Геродота, Диодора Сицилийского, Ксенофонта. Значит, данные о Ниневии в книге Ионы находятся в согласии со свидетельствами других исторических памятников и не содержат в себе ничего невероятного, как это стараются представить те, кто выражение «три дня пути» понимает в смысле определения длины Ниневии. Нужно иметь в виду еще, что Ниневия была одной из самых древних городов мира, что строители ее – Нимрод по Библии (Втор. 10:10–11) или Нун по гражданской истории имели намерение построить выдающийся по размерам и великолепию город, затем, что в древности города застраивали не сплошь, а в черте города на случай осады оставляли значительную площадь под пастбищами и пашнями, чтобы совершенно не удивиться величине города по описанию кн. Ионы. Новейшие раскопки развалин Ниневии на левом берегу Тигра, близ селения Мозуля, еще раз подтверждают показания кн. Ионы.

Ион.3:4. И начал Иона ходить по городу, сколько можно пройти в один день, и проповедовал, говоря: еще сорок дней и Ниневия будет разрушена!

«И начал Иона ходить по городу, сколько можно пройти в один день». Приведенные слова не указывают на то, что Иона шел в одном направлении и прошел в длину города расстояние одного дня (из 3-ех) пути. Еврейское выражение точнее следует передать: «и исходил Иона по городу» значит не в прямом направлении, а как того требовала проповедь. Прибавка, «в один день пути», таким образом, не стоит в связи с последними словами 3-го ст. («на три дня ходьбы») и не относится к определению величины Ниневии, а сделана для того, чтобы показать ревность пророка в проповедании ниневитянам. Останавливаясь с проповедью на площадях, торжищах и

улицах, он все же успел исходить по городу такое расстояние, какое совершает в день обычный путник.

«И проповедовал говоря, еще сорок дней и Ниневия будет разрушена». В греческом, а отсюда и в славянском переводах вместо «сорок» (дней) подлинника стоит три.

Такое чтение следует признать ошибочным, потому что невероятно, чтобы все события III и IV главы – проповедь Ионы ниневитянам, их раскаяние, указ царя о формах покаянного траура, ожидание Ионией исполнения своего пророчества и отмена Божия определения о гибели Ниневии – произошли в короткий трехдневный срок. Вероятнее всего, что и LXX читали в еврейском и перевели не три, а сорок; но позднейшие переписчики букву «μ», обозначающую сорок, по ошибке заменили сходною по начертанию буквой γ – три.

Проповедь Ионы в Ниневии, несомненно, нельзя ограничивать одним только предсказанием о ее гибели через сорок дней. Он должен был обличать злодеяния ниневитян (см. Ион. 1:2) и вместе с тем указывать на возможность спасения через покаяние. Если бы последнего пророк не делал, то у ниневитян не могло бы и явиться такой надежды (см. Ион. 3:8–9), а было бы одно отчаяние.

Но мог ли пророк Иона проповедовать ниневитянам, да еще так всесторонне и успешно, ведь он, говорят, не знал их языка, не знал их жизни, их нравов и грехов. Он был совершенно чужд ниневитянам, и они не могли его понять. Что касается языка, то нужно вспомнить, что ассирийский язык принадлежит к семитическим и с еврейским языком имеет большое сходство, особенно это нужно сказать относительно галилейского наречия, на котором говорил Иона. Отсюда легко себе представить, что Иона мог научиться ассирийскому языку, равным образом, и образованные из ниневитян могли понимать еврейский. Пример знания евреями ассирийского языка, а ассирийцами еврейского в Библии нам известен (см. 4Цар 18.26–28). Знание же жизни ассириян, нужное для проповеди, у пророка Ионы легко предположить. Ассирия отстояла от границ Израильского царства едва на 200 верст и во времена Ионы она вела с Израилем оживленные политические и торговые сношения.

Религия ассириян была сходна с религиями соседних с Израилем языческих народов; грехи ассириян, конечно, имели в себе много общечеловеческого и о многом можно было заключать по внешности жителей и города. Поэтому не только Иона, лично бывший в Ниневии, но и пророки, никогда ее не видавшие, знали и живо изображали ее нравственное состояние (см. Наум. 1–3; Соф 2.13–15).

Ион.3:5. И поверили Ниневитяне Богу, и объявили пост, и оделись во вретича, от большого из них до малого.

Ион.3:6. Это слово дошло до царя Ниневии, и он встал с престола своего, и снял с себя царское облачение свое, и оделся во вретиче, и сел на пепле,

Ион.3:7. и повелел провозгласить и сказать в Ниневии от имени царя и вельмож его: «чтобы ни люди, ни скот, ни волы, ни овцы ничего не ели, не ходили на пастбище и воды не пили,

Ион.3:8. и чтобы покрыты были вретичем люди и скот и крепко вопияли к Богу, и чтобы каждый обратился от злого пути своего и от насилия рук своих.

Ион.3:9. Кто знает, может быть, еще Бог умиласердится и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем».

Ион.3:10. И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел.

В означенных стихах говорится о покаянии ниневитян по проповеди пророка. Противники исторической подлинности книг пророка Ионы весь этот рассказ считают невероятным. Невероятно будто бы, чтобы целый громадный город обратился к раскаянию по проповеди одного человека, никому до сих пор неизвестного, участие в этом царя и издание особого указа также, говорят, невероятно; невероятными считаются и те внешние формы, в которых выразилось покаянное чувство ниневитян. Приведенное возражение в значительной степени покоится на субъективном чувстве вероятного и невероятного, и по самому существу своему оно не особенно сильно. Ведь очень часто бывает, что действительность превосходит наши представления о вероятном. Между тем, в рассказе пророка Ионы нет ничего превосходящего всякое вероятие. Случаи

влияния отдельных лиц на массы народа, когда эти массы заражаются общим настроением, доходящим до энтузиазма и повинуются буквально каждому слову того, кто сумел стать во главе движения – известны каждому (напр. вдохновение французов на борьбу Жанною Д'Арк, возбуждение народных масс к крестовым походам Петром Пустынником и др.). Почему этого явления, столь согласного с психологией масс, не могло случиться в Ниневии? Впечатлительность восточного народа, усиленная в ниневитянах изнеженностью и роскошью, их высокое уважение к мантике, вера во всякого рода прорицания – создавали благоприятную почву к тому, чтобы они отозвались на вдохновенную проповедь и страшное пророчество чужеземного пророка. Особенно сильное впечатление должен был произвести на ниневитян рассказ Ионы о своем трехдневном пребывании во чреве кита; в этом чуде они увидели для себя знамение божественного посольства пророка и истинности его проповеди, как на это указывает евангелие: «Иона был знамением для ниневитян» (Лк 11.30–31; Мф 12.40). Может быть, они даже сопоставили его рассказ с распространенными у них мифами об Еа-Оаннесе, выходящем из моря, чтобы учить людей почитанию богов и святой жизни; в таком случае, вдохновенный Иона с грозным обличением и властной речью мог показаться им самим Оаннесом (за это говорило и созвучие имен).

Таким образом, всеобщее покаяние в Ниневии по слову пророка – факт весьма вероятный. Участие в этом деле Ниневийского царя и издание им особого указа не уменьшает исторической вероятности факта. Царь Ниневии, вместе с тем, был и верховным жрецом, а его вельможи занимали следующие за ним иерархические должности, поэтому их участие в охватившем народ религиозном подъеме было неизбежно. Что касается форм покаяния, то тут вызывает недоумение привлечение к этому домашних животных. Древние люди ближе стояли к животному миру и думали, что и сами животные могут принимать участие в их жизни, поэтому делили с ними и печаль, и радость. Геродот, напр., рассказывает, что персы после битвы при Платее, когда пал их полководец Масист, в знак траура

остригли волосы всем животным в лагере; то же самое и в разбираемом нами месте. (7–8). Эта подробность может быть отмечена только, как глубоко правдивая историческая черта. В заключение следует сказать, что историческая достоверность покаяния ниневитян по проповеди Ионы удостоверена Евангелием. Спаситель сказал, что «ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его; ибо они покаялись от проповеди Иониной» (Лк 11.32). Очевидно, Спаситель и его современники считали покаяние ниневитян действительным событием, в противном случае, ссылка на них не имела бы значения.

Глава 4

1–4. Огорчение пророка Ионы по случаю помилования Ниневии. 5–11. И вразумление его Богом.

Ион.4:1. Иона сильно огорчился этим и был раздражен.

Ион.4:2. И молился он Господу и сказал: о, Господи! не это ли говорил я, когда еще был в стране моей? Потому я и побежал в Фарсис, ибо знал, что Ты Бог благий и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и сожалеешь о бедствии.

Ион.4:3. И ныне, Господи, возьми душу мою от меня, ибо лучше мне умереть, нежели жить.

Ион.4:4. И сказал Господь: неужели это огорчило тебя так сильно?

Начало IV главы стоит в тесной связи с последними словами предшествующей: «пожалел Бог о бедствии... и не навел» (Ион.3:10) его на Ниневию; об этом пророк Иона узнал, вероятно, потому, что для города благополучно истек сорокадневный срок, и вот он «сильно огорчился этим и был раздражен» (Ион.4:1).

Что Иона огорчился не иным чем, а именно помилованием язычников – ниневитян, в этом не оставляет сомнения его молитва. В ней он говорит, что случилось то самое, чего он опасался, когда ещё был в своей стране, почему и бежал в Фарсис: «ибо знал, что Ты – Бог благий и милосердный, долготерпеливый и многомилостивый и сожалеешь о бедствии» (2 ст.). Таким образом, пророк Иона в конце книги предстал пред нами таким же, каким мы его видели в начале: не желающим спасения язычникам и даже ропщущим на милостивый о них суд Божий, как будто все знамения прошли для него бесследно и его послушание Иегове не было убеждением его души. Теперь он сознает себя правым в своих мыслях о язычниках, а Бога не по правде к ним милостивым и, не будучи в состоянии пережить этого несогласия, просит у Бога себе смерти: «и ныне, Господи, возьми душу мою, ибо лучше мне умереть нежели жить» (3 ст.). Этот возврат к национальным еврейским мыслям и чувствам произошёл у пророка Ионы,

может быть, потому, что он лично в Ниневии увидел всю неизмеримую глубину нравственного развращения язычников, а плодов покаяния или не замечал, или не верил в их искренности и прочности. Как человек впечатлительный и всегда искренний, не умевший ничего делать наполовину, а всякому чувству отдававшийся всецело, Иона выражает свой протест против помилования недостойных, по его мнению, язычников в самой резкой форме. В данном случае он, может быть, подражал пророку Илии, которого мог знать лично, когда тот тоже просил себе смерти, если Бог не хочет истребить отступивших от Него израильтян (3Цар. 19:3–14).

Ион.4:5. И вышел Иона из города, и сел с восточной стороны у города, и сделал себе там кущу, и сел под нею в тени, чтобы увидеть, что будет с городом.

Иона, вероятно, надеялся, что его молитва, выражающая возмущение помилованием Ниневии, будет Богом услышана и город, хотя с запозданием (не через 40 дней), но все же будет наказан. Поэтому он вышел из города и сел с восточной стороны его, «чтобы увидеть, что будет с городом».

Ион.4:6. И произрастил Господь Бог растение, и оно поднялось над Ионою, чтобы над головою его была тень и чтобы избавить его от огорчения его; Иона весьма обрадовался этому растению.

Ион.4:7. И устроил Бог так, что на другой день при появлении зари червь подточил растение, и оно засохло.

Ион.4:8. Когда же взошло солнце, навел Бог знойный восточный ветер, и солнце стало палить голову Ионы, так что он изнемог и просил себе смерти, и сказал: лучше мне умереть, нежели жить.

Ион.4:9. И сказал Бог Ионе: неужели так сильно огорчился ты за растение? Он сказал: очень огорчился, даже до смерти.

Ион.4:10. Тогда сказал Господь: ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил, которое в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало:

Ион.4:11. Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?

Прежде чем вразумить Иону по поводу его ропота на милосердие Божие к ниневитянам, Бог заставил его самого почувствовать жалость к растению, выросшему над его головой. Затем сказал, что если ему жаль засохшего растения, то не большей ли жалости и милосердия заслуживает город, в котором находится более ста тысяч ни в чем неповинных детей. Этот простой сам по себе рассказ вызывает затруднение лишь неясностью, как понимать произрастание и увядание растения над головой Ионы, считать ли это явлением естественным или чудом. На чудесный характер явления указывает как будто то, что это растение неестественно быстро выросло и увяло («в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало»), и затем, в этом случае неоднократно, отмечается непосредственное участие Божие («устроил Бог так...» «произрастил Господь...»). Однако эти данные не имеют решительного характера: в Библии часто и о естественных явлениях говорится, что они происходят по воле Божией, ибо по религиозному сознанию все в мире совершается по действию Божию (Мф. 10:30; см. замеч. на 4 ст. 1 гл.). Выражение 10 ст. о быстром росте растения, «которое в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало» нет необходимости понимать с буквальной точностью, оно могло быть употреблено гиперболически для выражения мысли о ничтожности растения сравнительно с человеческой жизнью (Ис. 40:6; Пс. 102:15). На естественный характер явления указывает как будто то, что писатель говорит при этом о различных естественных факторах, совершающих то или другое действие: червь подтачивает растение, от знойного восточного ветра оно засыхает. Затем, чудо не предполагается самым ходом рассказа: для вразумления пророка оно было не нужно, и при естественном порядке он также научался состраданию, как и при чудесном. Растение, о котором здесь идет речь, в еврейском тексте обозначено словом *kijkajon*, которое обычно производится от египетского *kjkj*. Возможно, что с этим растением евреи познакомились ещё в Египте, поэтому, встретив его у себя на родине, назвали его словом, переделанным из египетского. Это растение описывают Геродот, Плиний и блаж. Иероним. Все они согласно говорят, что оно

имеет травянистый стебель, широкие листья, достигает высоты 8–12 футов, быстро растет и увядает. Таким образом, это не тыква и не плющ, как это значит в славянском и латинском переводах, а особое растение, называемое в ботанике palma Christi.